

Дмитрий Каннуников

РАЗВЕДЁНКА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Каннуников

Разведёнка

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Каннуников Д.

Разведёнка / Д. Каннуников — «ЛитРес: Самиздат», 2017

О том, как стал "известный" московский продюсер директором кабельного канала уездного города Сливска и решил снять телешоу "Разведёнка", но не учёл менталитета людей из российской глубинки. Юмористическая повесть, написанная задолго до того, как такое шоу появилось на одном из каналов. Дизайн обложки - Павел Шайкин. Содержит нецензурную брань.

Часть первая

Кастинг

Зазвонил телефон. Номер не определялся. Пять утра, кому приспичило? Сказать, что он был раздражён, – это промолчать.

– Васисуарий, – ответил он на звонок.

Короткое молчание.

– Ты, Васька, это брось там, жопа с ручками, Васисуарий – писуарий, бля, давай, вставай и на работу, – услышал он в трубке знакомый голос патрона.

– Да, Леонид Парфёныч, – он подобрался, сон как рукой сняло, – слушаю.

– Я в Тае сейчас, таю... ха-ха, каламбур. Так вот, канал твой, думаю, закрывать, денег совсем не приносит, поднимай своих дармоедов, думайте, или через месяц у вас рейтинги зашкаливают, или грузчиками на овощебазу, нет, на вокзал, уголь разгружать лопатами, – в трубке весело заржали, – дерзай.

Васисуарий резко сел в кровати, слева, раскинув длинные светлые волосы по подушке, лежал и спал его друг и любовник Серж. Почему-то это очень разозлило Васисуария, он сбросил Сержа пинком на пол и высоким, писклявым голосом закричал:

– Чего спишь, быстро мне кофе и омлет с беконом, надо срочно на работу.

Обиженный Серж поднялся с пола и побрёл на кухню, тряся головой, как будто стряхивал остатки сна, через несколько минут там хлопнула дверь холодильника, гроыхнула сковородка, зашипела газовая плита. Васисуарий встал, надел халат и направился в ванную. Горькие думы легли на чело.

Васисуарий – по паспорту Василий Иванович Катышкин, с ударением на первый слог – уроженец города Сливска, очень не любил своё имя, фамилию, а особенно отчество – банально, по-быдляцки. С детства он считал себя особенным, папы у него не было, его воспитывала мама, которая говорила, что её Васенька далеко пойдёт. Так как мужским воспитанием он был обделён, то женское воспитание накрывало его с головой. Он носил колготки до лета, у него была фиолетовая меховая шапка и розовый шарфик. Пальто было бордового цвета. Мама очень хотела девочку и не скрывала этого. Пацаны во дворе с ним не играли, часто били. Он жаловался маме, мама шла к родителям ребят, жаловалась на них, они получали от отцов люлей, выходили на улицу и снова наказывали ябеду. Кличку ему дали Гнус. Он любил играть с девочками, но пока девочки были маленькими, они разрешали ему играть с их куклами, а когда подросли, стали сторониться этого непонятного мальчика. Вася решил, что когда подрастёт, станет знаменитым актёром, будет получать много денег, вернётся в родной город и отомстит всем, они будут ему завидовать, бежать за его красивой открытой машиной, как у Юрия Гагарина, все будут бросать ему цветы и говорить: «Это же он, Василий Катышкин, наш любимый актёр!»

Все мамины переживания и эмоции валились на голову ребёнка. Мама работала помощником бухгалтера на швейной фабрике и всю жизнь искала себе мужа. Все эпитеты по поводу новых её кавалеров: алкаш, алиментщик, кобель, урод, всё передавалось мальчику, потом мама плакала, а он уже не хотел быть мужчиной, так как они обижают маму.

Она обнимала его и говорила: «Только ты у меня мужчина».

В 17 лет замаячила армия, школа для настоящих мужчин, но мама решила, что в армии над сыночком будут издеваться и, заняв денег, отвезла его в областной Замутинск, в театральное училище. С горем пополам отучился 1-й курс, и тут в дверь общежития постучался военком с повесткой. Оказывается, учёба в театральном училище не даёт отсрочку от великого и нужного дела в возмужании подростка. Василий собрал вещи, занял у сокурсников сколько мог, купил билет в Москву.

Сутки в прокуренном, воняющем туалетом и потом общем вагоне, в обществе непонятно куда и откуда едущих людей, и он в Москве. Златоглавая встретила его теплом уходящего лета. Оставив вещи в камере хранения, пару дней переночевав на лавочке возле театра «Современник», он был замечен неким молодым человеком, который пригласил его к себе в гости. Представился Маратом Заволокицким, артистом театра, какого не сказал, угощал водкой со шпротами. Опьянев, Василий рассказал ему о своей мечте стать великим артистом.

– Всё сделаем, Василий, только не просто вот так, нужны годы труда, начинать с малого, чтобы тебя заметили, роли ведь так не даются... Но... я сведу тебя с нужными людьми, ты парень красивый, им понравиться, всё у тебя будет хорошо, – он погладил Василия по голове и поцеловал в губы.

Кто такие эти «нужные люди» Василий понял очень скоро. Он был любовником то одного «нужного человека», то второго. Ему снимали жильё, шили дорогие костюмы, он отпустил длинные волосы. Несколько раз даже был статистом на известных спектаклях, выносил на сцену стул. Спекталь сняли для телевидения. Он попросил эпизод с выносом стула вырезать отдельно и показывал друзьям и знакомым – вот, мол, я, видите, по телевидению показывали. Он даже придумал себе псевдоним – Васисуарий Апполонович Катышанский, чтобы быть поближе к бомонду. Но годы шли, он обрюзг, потолстел, начал лысеть. Конечно, в бомонде его знали, но последний любовник выгнал его на улицу, сменив на смазливую мальчишку. Он караулил его, устраивал сцены в общественных местах, пока тот не познакомил его с одним «телемагнатом», который оказался земляком из Сливска, Леонидом Парфёнычем Соломкиным, который владел в Сливске местным кабельным каналом. При первой встрече он сказал:

– Извини, заднеприводным руки не подаю, не правильно поймут. Но говорят, что вы везде, в телевизоре, там, театрах разбираетесь. Мне по хер, кто ты такой, будешь директором моего канала, зарплата – 50 тысяч, рублей, естественно, губы не раскатывай, да, чтобы в Сливске не знали, что ты пидорас, а то меня мои партнёры не поймут.

Конечно, слова Соломкина задели за живое Васисуария. Он иногда в мечтах, в розовой меховой будёновке, на обитой розовым плюшем тачанке, которую несут вдаль резвые белые скакуны, под развевающимися радужными знамёнами, гнал всех этих гомофобов до Охотского моря, расстреливая из покрытого стразами маузера, но... согласился сразу. Взяв 10 тысяч, брошенные на стол его новым патроном, собрав костюмы и вещи, оставшиеся от «прошлой» жизни, он поехал на вокзал за билетом. Там он и встретил Сержа, пока ещё совсем не опустившегося недобомжа, с длинными волосами, трёхдневной щетиной, но в мятом, явно дорогом костюме. Парень сидел на лавочке, Васисуарий подсел к нему. Оказалось, что Сержа, как и его когда-то, бросил любовник, парень приехал из Устьперепиздуйска, где его никто не ждёт. Василий предложил ему ехать с ним в Сливск, описав радужные перспективы. Тот согласился, и через 4 часа они ехали в купе с двумя командировочными, которые с опаской смотрели на эту пару. Всю дорогу Васисуарий гундел, что в этом поезде нету даже СВ, приходится ехать с мужланами.

Мама, уже пару лет как умерла, оставив ему однокомнатную квартиру в «сталинке», в центре Сливска. Сначала он звонил из Москвы почти каждый день, рассказывая о своих театральных успехах, мама даже порывалась приехать и посмотреть, как сын «блистает на подмостках», но каждый раз приезд откладывался, потом стал звонить реже, раз месяц, потом раз в полгода, потом иногда на Новый год, однажды она сказала ему, что её кладут в больницу и оставила номер телефона, он перезвонил через три месяца, но сказали, что она давно умерла. Похоронили её на кладбище за счёт города, никто из родственников не приехал. Он рванул на неделю, оформить наследство, ходил по инстанциям, стоял в очередях, ругал бюрократическую систему, хотел даже продать квартиру, по поняв, что ничего на эти деньги в Москве не купит, решил оставить до лучших времён. Теперь квартира пригодилась.

Не буду рассказывать, как он входил в должность. На тот момент директором канала была бывшая любовница патрона Илона, нынешняя любовница – владельца меховых салонов дагестанца Мурада. Она каждые 5 минут истерично звонила Леониду Парфёнычу, кричала в трубку, требовала убрать «этого пидораса» обратно в Москву, в итоге патрон поставил её в чёрный список и дозвониться она ему больше не могла. Он же спокойно и деловито давал хозяину все отчёты, рисовал перспективы на будущее. Быстро уволил подружек бывшего директора, которые наводнили канал своими сериалами и бабскими выкладками. Серж стал его секретарём и помощником за 15 тысяч рублей. Приезжал даже этот Мурад, раздувал щёки, но, поговорив с Парфёнычем по телефону, извинился и больше в редакции не появлялся.

Нужна была «бомба». Тут, к несчастью, загорелась одна из лесопилок, недалеко от города, и канал вёл прямой репортаж, а потом провёл независимое расследование. Весь город ждал обещанное расследование, но там оказался замешан сын мэра, и в обмен на то, что это не покажут, канал получил дотацию от города «на развитие» и заказ на рекламу сети магазинов, которыми владела жена мэра. Патрон был доволен. Как сказал по-пьяни единственный оператор, он же монтажёр Гоша Скалзуб: «Как всегда, пидорасы победили».

Назревал очередной кризис, деньги текли как вода сквозь пальцы, на проценты от рекламы и дотаций Васисуарий купил в единственном в городе салоне «Ладу-Калину» цвета металлик. Правда, из-за этого поругался с Сержем, и они два дня не разговаривали – любовник хотел ярко-красную. Хоть связь свою они не афишировали, но все и так знали, что живут они в одной квартире, и ни один, ни второй за 3 месяца даже не завели роман ни с одной красавицей города, а Серж вёл себя, по мнению обывателей, «как педик». Многие мужи города старались не здороваться за руку с Васисуарием или демонстративно после рукопожатия шли в туалет мыть с мылом руки, чтобы «не заразиться».

Надо сказать, что досуг в Сливске был не на высоте. В старой, ещё «совдеповской» гостинице «Жемчужина Сливска», или «Сливе», как её называли жители города, цены были высокие, туда ходили только местные «богатеи» и коммерсанты. Было в городе 4 кафешки, которые держали приезжие армяне, они же были владельцами небольших круглосуточных магазинчиков, которые как на дрожжах росли на первых этажах домов. Там цены были пониже, но еда и пиво похуже. Кинотеатр давно закрыли, здание выкупила азербайджанская община и быстро переделала в торговый центр. Полиция туда не совалась, там жили по своим законам, торговали всем, чем только можно, по слухам были там и наркопритоны, и публичный дом, и ломбарды. По вечерам возле чёрного входа в бывший кинотеатр ошивались тёмные личности, явно бандитской наружности. Добропорядочные граждане обходили это здание стороной. Был ещё молодёжный клуб с незамысловатым названием «Молодёжный», славившийся своими драками. Вот и всё, не считая городского парка с колесом обозрения и автодромом, помнившим счастливые времена «застоя». Да, забыл про местный Дом культуры, полупустое, требующее ремонта здание, где детей учили музыке, танцам и пению, по субботам там была дискотека «кому за 40», а по воскресеньям «кому за 60», где собирались одинокие дамочки и мужички, помнившие «эпоху исторического материализма». Говорят, иногда там кипели страсти почище, чем в «Молодёжном», особенно если к кому-то приезжали деревенские родственники.

В городе была швейная фабрика, 2 рабочие лесопилки, одна фабрика по производству ДСП, вторая делала деревянные паллеты и катушки для кабеля, не считая несколько частных шиномонтажей и автомастерских. Зарплаты невысокие, не разгуляешься, рабочих мест мало, поэтому после каждого выпуска молодёжь собиралась в шараги и уезжала в Москву на заработки, редко кому удавалось там жениться или выйти замуж и остаться, в основном через месяц-два возвращались назад, ругая Путина, Медведева и зажратых москвичей. Приезжали и садились на шеи родителям, работать за копейки никто не спешил, все ждали, что вот сейчас что-то изменится и им свалится с неба по миллиону зелёных, на которые можно будет модно

одеваться и тусоваться целый день, попивая пиво. А пока все ходили в том, что шила местная фабрика, то есть в одинаковом. Когда местный класс поехал на экскурсию в Москву, их приняли за футбольную команду, все были одеты в красные пуховики, синие вязаные шапочки, зелёные спортивные костюмы, только обувь у всех была разная.

Одна только Валька Шутейкина уже седьмой год подряд приезжала на недельку из Москвы, собирала подруг в кафешке у Армена, угощала всех шашлыком, пиво только бутылочное, а то наразливают тут. И рассказывала, что работает менеджером в Газпроме, все ей завидовали, подруги потом месяц портили жизнь мужьям, собираясь разводиться и уезжать в Москву, где хорошо. Но потом Генка Старицкий, который вахтой мотался туда на стройку, всем сообщил, что видел её в Химках, на трассе, среди проституток, когда его везли на работу. В очередной приезд Вальке всё рассказали, она обиделась, ушла, не заплатив, и больше в городе её не видели.

Но местные реалии мало волновали Васисуария, ему нужна была очередная «бомба». Он вышел из ванной в распахнутом халате, из которого торчало пузо:

– Так, срочно обзвони всех, совещание через полчаса.

– Но, пусик, сейчас полшестого утра, – надул губы Серж, который стоял в переднике на голое тело и раскладывал по тарелкам омлет с колбасой. В белоснежных чашках дымился растворимый кофе.

– Никаких пусик, кто у нас секретарь, я за что вам зарплату плачу? Кто опоздает, тот уволен, иди, одевайся, повезёшь меня, мухой, я сказал, – и хлопнул по голому задку пробегающему секретарю, – совсем распустился.

Он сел за стол, стал непрожёванная глотать омлет, запивая кофе, тяжкие думы роились в голове:

– Что делать? Шоу провести, антикоррупционное расследование? Было, не прокатит. Пожар? Наводнение? Хоть самому что-нибудь поджигай. Фильм снять? Сейчас соберу дармоедов, пусть думают. За что им деньги платят?

– Да, срочно..., сам только узнал..., уволит, всем собраться..., – услышал он разговор из прихожей, Серж обзванивал штат канала.

Когда в полседьмого он зашёл в переговорную комнату (начальство не опаздывает, начальство задерживается), там уже были все работники канала.

На столе, свесив ноги, сидела креативный директор, она же выпускающий редактор Ираида Варфоломеевна Шдырь, в отличие от Васисуария Апполоновича, так у неё было прописано в паспорте. Ираида была лесбиянкой, вернее, хотела ею быть, но не находила себе подобных среди жительниц города. Мужеподобная баба, с лошадиным лицом в очках, плоская, в застиранных джинсах и неизменной рубашке-ковбойке в красную клетку. Мужская половина канала называла её Варфоломеич. Она решала, какую передачу выпускать, какую – нет, а также за креативность в этих передачах, вернее, в рекламах, которые были похожи одна на другую – фото магазина, ателье или автомастерской и занудный голос самой Ираиды за кадром.

Возле кулера оператор-монтажёр Гоша Скалозуб и его помощник Гена Мухтаров наперебой наполняли пластиковые стаканчики ледяной водой, залпом выпивали и снова наливали. У обоих красовались фингалы, только у маленького и щуплого Гоши под правым глазом, а у маленького, но толстого Генки – под левым.

– Ты эту шмару запомнил, из-за которой мы вчера в «Молодёжном» звездолей получили? – спрашивал Гоша.

– Ну да, Ленка Берёзкина, из восьмого дома, мы с ней в одном классе учились.

Гоше было сорок три, Генке двадцать пять, но они были не разлей вода, учитель и ученик, их часто видели в кафешках и на дискотеках. Морщинистое, узкое лицо Гоши всегда лучилось добротой, как, в общем, и круглое, по-детски наивное лицо Генки. Гоша мечтал снять у себя дома самую крутую порнуху со своим участием, Генка тоже хотел участвовать. Они ходили

каждую субботу на дискотеку в «Молодёжный», приглашали на кастинг всех мало-мальски красивых девчонок, но кроме звездюлей, пока ничего не могли снять.

В углу скромно сидела Тоня, курьер, страшенькая угловатая женщина, с серым лицом и острым маленьким носиком. Она ходила вечно сгорбленная, когда разговаривала с кем-нибудь, то смотрела в пол. На канале её замечали, только когда надо было что-то отправить или отнести по адресу, а так она могла весь день незаметно просидеть в уголке.

Два шуплых сисадмина Лёлик и Болик, чем-то друг на друга похожие, хотя один был блондин, а второй рыжий, разговаривали на непонятном языке в другом углу, иногда переходя на шопот.

И, наконец, местная знаменитость, светский, так сказать, лев, в которого были влюблены все женщины города от 40 или даже от 45 лет. Диктор местного телевидения, единственный, кто остался на канале после того, как разогнали женский коллектив подружек, – Лев Давыдович Пудин. Пятидесятипятилетний, высокий, седовласый, представительный с красивым, глубоким голосом Лев Давыдович всегда носил костюмы и рубашки, вместо галстука на шею повязывал шёлковый платок. Ещё у него были шляпа и трость с набалдашником в виде пуделя. Говорят, в молодости он покорило много женских сердец, был женат третий раз, даже распускал сам про себя слухи, что жеребец он ещё тот, но... злые женские языки в кулуарах поговаривали... что не тот уже Лев, не тот...

Сначала Васисуарий даже подумал, что Лев «их» человек, но после намёков понял, что нет, совсем «не их», но на канале его оставил, как человека из богемы.

Сейчас Лев Давыдович прямо сидел на отодвинутом от стола стуле, положив руки на голову пуделя, шляпа лежала на столе.

Все поздоровались с директором и секретарём.

– Ну-с, молодой человек, зачем вы нас собрали в столь ранний час? – спросил Лев Давыдович после «здрасьте».

– У меня для вас пренеприятнейшая новость, – сказал Васисуарий Апполонович.

– Знаем, к нам едет ревизор, – прервал его Лев Давыдович.

– Попрошу не прерывать, – взвизгнул директор, – моду взяли, совсем распоясались.

Все изумлённо замолчали.

– Хотят закрыть канал, у нас срок месяц что-нибудь придумать, что выстрелит. Давайте думать сейчас, мне к вечеру нужна концепция, с которой я выйду на владельца канала или, может, сейчас все напишем заявления? Что замолчали? Я жду. Ираида Варфоломеевна, вы кажется, креативный директор?

– А давайте свой «Дом-2» снимем, наберём молодёжь, снимем домик на озере, будем их снимать круглосуточно...

– Ага, на две штатные камеры, – подал голос Гоша, – круглосуточно, как это у вас интересно получится?

– И мы потом 10 лет будем кормить малолетних дармоедов, – возопил Васисуарий, – нет уж, бюджет у нас небольшой, могу подтянуть в качестве рекламы местные кафешки, магазины, тысяч сто, ну, может, двести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.